[52] Guiberti abbatis Sanctae Mariae Novigenti Historia... P. 164.
[53] Ekkehardi abbatis Uraugiensis Hierosolymita. P. 27.
[54] Baldrici, episcopi Dolensis, Historia Jerosolimitana. P. 81, note 9.
[55] Chronicon sancti Huberti Andaginensis // MGH. SS. Hannoverae, 1852. T. 8. P. 590 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 426 ; Andressohn J. C. The Ancestry and Life… P. 28 ; Willelmi Tyrensis archiepiscopi Chronicon. P. 175.
[56] См.: Cahen Cl. La Syrie du nord... P. 224–225 ; Yewdale R. B. Bohemond I, Prince of Antioch. Princeton, 1924. P. 29 ; Dowsett C. J. F. A Twelfth-century Armenian Inscription… P. 212 ; Asbridge T. S. The Creation of the Principality… P. 129–133.
[57] См.: France J. The Election and Title… P. 327 ; Murray A. V. Monarchy and Nobility… P. 12.

Поступила в редакцию 09.09.2014.

Евгений Александрович Гуринов – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. А. Прохоров.

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

О. Г. КАЗАК

ПОЛОЖЕНИЕ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В СОСТАВЕ ВЕНГРИИ (1939–1944) В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Рассматриваются основные инструменты формирования положительного общественного мнения у населения Подкарпатской Руси относительно установления венгерской власти в регионе. Использованы как традиционные (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историческая ретроспекция), так и инновационные (контент-анализ и семиотический) исторические методы. Изучены результаты научно-теоретических разработок известных ученых, занимающихся исследованиями процессов национального строительства, этнической идентичности (П. Бурдье, Р. Брубейкер, Ю. Тимофеев и др.). Выделены основные характеристики официальной публицистики региона: подчеркивания исторической общности русинов и венгров; позиционирование Будапешта как защитника уникальной культуры русинов, венгерской государственности как гаранта свободы и самоуправления региона; широкая апелляция к религиозным чувствам местного населения и т. д. Установлено, что в зависимости от ситуации характер публикаций в официальной региональной прессе мог варьироваться от позиционирования официального Будапешта как защитника уникальной русинской культуры до подчеркивания культрегерской роли Венгрии в регионе.

Ключевые слова: русины; идентичность; угро-русинизм; этнокультурная инженерия.

Views the main instruments of forming positive public opinion among the population of Carpathian Ruthenia concerning establishment of the Hungarian authorities in the region. Used traditional (historical and comparative, historical and typological, historical, systematic, historical retrospection) and innovative historical (content analysis and semiotic) methods. Learned results of theoretic elaborations of processes of national building and ethnic identity (P. Burdie, R. Brubaeker, Y. Timofeev). Determinates main characteristics of official press of region, accentuations of historical solidarity of Ruthenians and Hungarians, presentation of Budapest as a defender of unique culture of Ruthenians, Hungarian authorities as a guarantor of freedom and self government, wide appeal to religion feelings of local inhabitants etc. Founded that, depending of the situation the nature of official publications of the regional press could range from a positioning of Hungarian authorities as a defender of the Ruthenian culture unique to underscore Hungary's role of kultreger in the region.

Key words: Ruthenians; identity; Ugro-rusinizm; ethnocultural engineering.

Нахождение Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в межвоенное время открыло для местной интеллигенции довольно широкие возможности свободного выражения своих воззрений в прессе и публицистике, впрочем, при определенных преференциях Праги приверженцам проукраинских идей (особенно в 1920-е гг.). В указанный период интеллектуальные элиты региона представили на суд общественности несколько моделей идентичности местного восточнославянского населения, традиционно именовавшего себя этнонимом «русины». Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» украинским самосознанием. Из русофильского направления постепенно выделилось русинофильское течение, считавшее русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев[1].

Данная классификация, традиционно употребляемая в исторической литературе (в том числе не только применительно к Подкарпатской Руси), не должна рассматриваться как некая жестко структурированная модель. На типичные ошибки в этом вопросе указал известный современный русинист М. Ю. Дронов. На его взгляд, следует отказаться от примордиалистического понимания этноса, согласно которому человек обладает только одной четко заданной национальной идентичностью, исключающей все остальные. Такого во многом упрощенного подхода к трактовке национальных вопросов «явно не хватает для передачи всех переливов и оттенков взглядов конкретных персоналий. При этом отмечается тенденция обязательно отнести того или иного деятеля к одной из групп, например к русофилам или русинофилам. На практике же сделать это порой просто невозможно, так как отдельные деятели могли сочетать, например, русскую и карпато-русскую (часто приравниваемую к русинской) идентичности. Поэтому отнесение к той или иной ориентации объясняется убеждениями и симпатиями современного автора или же господствующими в обществе стереотипами»[2]. Кроме того, необходимо учитывать, что многие общественные и культурные деятели, ввиду частого изменения государственной принадлежности Подкарпатской Руси, вынуждены были корректировать свои взгляды, исходя из политических реалий. В связи с этим следует крайне внимательно относиться к анализу сложного этнокультурного ландшафта в регионе и избегать поверхностных трактовок.

В данной работе процессы этнокультурной инженерии венгерских властей в отношении населения Подкарпатской Руси рассматриваются с конструктивистских и семиотических позиций, которые находят в современном нациоведении все больше приверженцев. На символическую природу национализма указывал П. Бурдье, говоря о том, что нации «реальны благодаря воспроизводству веры людей в их реальность и институтам, ответственным за воспроизводство этой веры»[3]. В российской науке интерес представляют работы М. Ю. Тимофеева. Данный автор вводит понятие нациосферы (по аналогии с семиосферой Ю. Лотмана), которую считает «частью социального и семиотического пространства, связанной с дифференциацией социального пространства семиотическими средствами по основаниям, которые принято считать национальными». По мнению М. Ю. Тимофеева, в рамках национального дискурса идет постоянная борьба за право номинирования и легитимации, контроля и воспроизводства тех или иных знаково-символических комплексов[4]. Концепция молодого российского ученого схожа с идеями Р. Брубейкера – одного из крупнейших современных исследователей национальных процессов. Он в своих работах выделяет особую роль государства как «мощного идентификационного фактора», располагающего огромными материальными и символическими ресурсами[5]. Эти ресурсы позволяют государству как «монополисту легитимной символической власти» конструировать выгодный для себя общественно-культурный ландшафт. Эти теоретические положения можно проследить на примере политики официального Будапешта в Подкарпатской Руси в 1939–1944 гг.

Окончательное присоединение Подкарпатской Руси к Венгрии, которое произошло в середине марта 1939 г., позиционировалось Будапештом как свершившийся акт исторической справедливости, положивший конец «чехо-словацкому игу». Подобный пафос прослеживается и в речах высших лиц венгерского государства, и в местной прессе. Так, премьер-министр Венгрии П. Телеки на заседании нижней палаты парламента объяснил вступление войск на территорию региона тем, что «венгры никогда не забывали о русинском народе», а в условиях агонии чехословацкой государственности «готовы защищать их интересы, как свои». Подкарпатская Русь, по словам премьер-министра, представляла «жизненный интерес» для Венгрии, так как принадлежала ей «на протяжении тысячи лет». П. Телеки подчеркнул радость, которую испытывают все венгры по поводу восстановления «древних братских связей» с русинским народом, пообещал предоставить тому все возможные условия для свободного развития[6]. Подобный пафос преобладал и в других выступлениях премьер-министра, в которых шла речь о Подкарпатской Руси. П. Телеки неоднократно отмечал, что русины вернулись в свою «естественную среду», где будут уважать их язык и культуру. Однако политик особо подчеркивал, что население региона обязано во всем следовать конституционным нормам и «тысячелетним идеям венгерской государственности» (здесь и далее перевод наш. – *О. К.*)[7].

П. Телеки лично трижды посещал Подкарпатскую Русь. Вообще же приезды в регион руководителей высокого ранга были довольно частым явлением. Каждый такой визит важных гостей широко освещался в прессе, что придавало событию своеобразный сакрализированный смысл. Так, в декабре 1939 г. с рабочим визитом в Подкарпатскую Русь прибыл министр торговли и промышленности Й. Варга. Он проинспектировал строительство железнодорожной ветки Тересва – Солотвино, гидростанции на р. Уж и нескольких деревообрабатывающих предприятий. В прессе особо подчеркивалось, что вместе с «прилежными русинами» значительный объем работы выполняли жители внутренних регионов Венгрии. Тем самым позиционировались «дружба и братство» между народами. Кроме того, Й. Варга посетил художественную выставку, где вместе с супругой приобрел несколько экспонатов товаров местных ремесленников. Подобные факты, по замыслу официальных пропагандистов, должны были продемонстрировать интерес венгерского руководства к местной народной культуре[8]. 24–27 мая 1941 г. для ознакомления с интеллектуальной и художественной жизнью Подкарпатскую Русь посетил министр образования и религии Б. Гоман. В своей торжественной речи он заявил, что «венгры поддерживают уникальную русинскую культуру, право народа на собственные язык и образование»[9]. В разное время в регионе также пребывали сын регента И. Хорти с супругой (30 сентября 1941 г.), министр пропаганды И. Антал (июль 1942 г. и июль 1943 г.), государственный секретарь молодежной политики О. Белди и государственный секретарь по национальным вопросам Т. Патоки (16 марта 1943 г.), премьер-министр М. Каллаи (октябрь 1942 г. и ноябрь 1943 г.)[10].

Как правило, характер официальных речей этих деятелей был схож: констатирование «уникальных возможностей» для развития народной русинской культуры под опекой Короны Святого Стефана. Вот, например, некоторые пассажи из выступления министра иностранных дел И. Чаки: «Меня чрезвычайно успокоило сознание того, что угро-русский народ и его безукоризненные вожди, ведущие свой народ к лучшему будущему, вместе, рука об руку, стремились к уничтожению искусственных границ. Угро-русский народ и его предводители прекрасно знали, что их духовное, культурное, экономическое и политическое развитие возможно только внутри тысячелетних границ. Угро-русский народ, смешиваясь с венгерским народом, всегда был братом, соратником и последователем последнего, судьба обоих народов, как в добром, так и в злом, всегда была едина… Мы гарантируем братьям – угро-россам религиозную свободу и прогресс, культурное развитие, экономическое благополучие и политическую вольность». И. Чаки высказывал надежду на то, что русинский «звонкий язык проникнет в разноцветную симфонию венгерской идеологии», а каждый житель региона «свои оригинальные жизненные условия своими собственными силами вовлечет в венгерское жизненное кровообращение»[11]. Подобным пафосом

было проникнуто большинство выступлений высших государственных деятелей Венгрии. Разница была лишь в том, что в первый год после восстановления венгерской власти в регионе представители Будапешта давали частые и, как оказалось в итоге, популистские обещания предоставления автономии Подкарпатской Руси в составе Венгрии. Со временем же акцент выступлений все более смещался в сторону призыва к укреплению связей между венграми и русинами в рамках венгерской государственности. Проследить данную тенденцию возможно на примере речи премьер-министра М. Коллаи: «Венгерская история – это венгерская вечная истина, это непобедимая, это несломленная и вечно к жизни зовущая святостефанская идея! Мы должны знать, что святостефанская идея означает не только государственное устройство, не только особенность государственной организации, но обозначает неделимость всего того населения, которое судьба бросила на венгерскую землю… Все, находящиеся на этой территории, должны поддерживать друг друга, и здесь должна быть одинаковая жизнь, и все мы должны защищать Карпатский хребет, ибо Господь определил, чтобы мы через тысячелетия правили этой совместной жизнью»[12].

Пропагандистский аппарат новой власти, представленный прежде всего русинскоязычными изданиями «Новая неделя» (1939), «Карпатская неделя» (1939–1941), выходившими затем под старым названием «Неделя», а также значительным числом газет на венгерском языке[13], незамедлительно отреагировал на смену политической обстановки в регионе. Авторы этих изданий, рассчитанных на широкого читателя, активно использовали яркие метафоры и эпитеты. Восстановление венгерского господства в регионе часто сравнивалось с «солнцем», которое вышло из-за «тяжелых, темных туч», с «Воскресением народа»[14], с пробуждением от «тяжелого сна»[15]. Приведем один типичный отрывок из официальной прессы тех дней, который во многом отражает сущность формирующегося официального курса «угро-русинизма»: «Через многие столетия сохранил русинский народ свой язык, свою культуру, обычаи, религиозную принадлежность и под крылом Святой Венгерской Короны мог спокойно существовать. Мог поддерживать связи с братскими славянскими народами, но политически тяготел к тысячелетней венгерской политике. Если русинский народ хочет остаться на шахматной доске народов в дальнейшем значительной фигурой, которой можно сделать и серьезный ход, то должен вступить на ту дорогу, которая есть единственно возможной для русинского народа, т. е. должен высказаться в пользу спокойного сосуществования с венгерским народом… Сохраните древний ваш язык, вашу культуру, и не дайте обмануть вас эмигрантам, которые говорят, что служат интересам народа, а при этом лишь хотят самоутвердиться за ваш счет»[16]. Как видим, официальный Будапешт пытался позиционировать себя в качестве защитника русинских локальных народных традиций от «чужих» для простого населения представителей прорусской и проукраинской интеллигенции. Такая тактика выглядела вполне логичной в связи с нежелательностью для властей участия местного населения в альтернативных, более сильных национальных проектах, к тому же имевших яркий политический подтекст. Кроме того, значительная языковая дистанция между венграми и русинами затрудняла ассимиляционные задачи.

По стечению обстоятельств день вступления венгерских войск в Подкарпатскую Русь совпал с датой венгерского национального праздника – днем начала венгерского антигабсбургского восстания 1848–1849 гг. В выпуске газеты «Новая неделя» за 15 марта 1939 г. этому факту придавался глубокий символический смысл и выражалась радость русинского народа в том, что он мог «снова праздновать 15 марта»: «И теперь присоединяемся и мы, верховинские русины, к славнейшему и счастливейшему 15 марта. Потому что если осознание нашего разъединения с нашими венгерскими братьями, зажатыми узкими трианонскими границами, покрыло черной тучей прекрасную весеннюю славу венгерской свободы на 20 лет нашим братьям за теми границами, то что могли сказать мы, которые 20 лет не имели 15 марта, праздника Святого Стефана, и на тех святых днях с нашими затрианонскими братьями лишь в душе могли соединиться в надежде и желании, в молитве 20 долгих лет. Мы вынуждены были праздновать тут Яна Гуса, Масарика, красное 1 мая, которые не только для нас, но и для чешско-моравских католиков далеко не праздники, а нам вообще были безразличны»[17].

Обращает на себя внимание очень широкое апеллирование религиозной терминологией авторов официальной пропагандистской публицистики. Таким образом, идее восстановления венгерского господства придавалось дополнительное сакральное значение. Кроме того, данные образы, по замыслу идеологов, должны были легко восприниматься населением Подкарпатской Руси, которое традиционно отличалось глубокой религиозностью. За все свершения и достижения венгерско-русинского сотрудничества авторы таких статей предлагали благодарить «Бога и М. Хорти»[18], а тех, кто отказывался признавать «гармоничное развитие русинов в рамках Короны Святого Стефана», называли «иудами русинского народа»[19]. Особенно ярко данные тенденции проявлялись в специальных номерах газет, приуроченных к крупным религиозным праздникам. Так, в рождественском выпуске «Новой недели» мукачевский греко-католический епископ А. Стойка утверждал, что «если бы Господь Бог не возвратил нас к государству Святого Стефана, ныне уже и у нас не было бы Рождества Христова» (здесь автор статьи делает отсылку к ситуации в соседней Галиции, которая осенью 1939 г. вошла в состав СССР). Далее А. Стойка приводил еще множество цитат с религиозным подтекстом, например следующую: «Хорошо сказал его Высокопревосходительство Регент нашего государства, что Венгрия и Родина русинов одна без одной не могут жить, объединение же их создает земной рай»[20]. Интересно, что даже научное фун-

даментальное историческое произведение Ш. Бонкало «Русины», увидевшее свет в 1940 г., начинается с легенды, согласно которой Бог призывал русинов и венгров жить в дружбе и взаимопонимании[21].

Таким образом, в официальной публицистике сочеталось декларирование «опеки и заботы» Будапешта над русинским населением и его культурными запросами с постоянным подчеркиванием «цивилизаторской миссии» Венгрии в регионе. Примечательно, что отдельные представители властей в Подкарпатской Руси (в частности, регентский комиссар М. Козма) указывали, что чрезмерное акцентирование внимания на культрегерской роли венгров в Подкарпатской Руси вызывает недовольство местной русинской интеллигенции и грозит «возвратом к Трианону»[22]. Тем не менее данные тенденции имели значительное влияние на культурно-общественную жизнь рассматриваемого периода. Деятельность представителей местных интеллектуальных кругов была возможна преимущественно в русле официальной идеологии и при условии постоянной демонстрации лояльности венгерской государственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: Шевченко К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М., 2011. С. 269–270.

2 Дронов М. Ю. К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 78–79.

3 Бурдье П. Социология политики. М., 1993. С. 92.

4 См.: Тимофеев М. Ю. Нациосфера: Опыт анализа нациосферы наций. Иваново, 2005. С. 90–96.

5 См.: Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 91.

6 См.: Az országgyűlés képviselőházának 382. ülése // Képviselőházi napló. Az 1935. évi április hó 27-ere hirdetett. Budapest, 1939. O. 387.

7 Teleki Pál. Beszédek. 1939 [Electronic resource] // Magyar Elektronikus Könyvtár. 2004. URL: http://mek.oszk.hu/10300/10338/10338.html (data of access: 12.08.2013).

8 См.: Окружно дорога Варги, министра торговельных и промысловых дел по Карпатской территоріи // Карпатска неделя. 1940. 7 января (№ 1). С. 3.

9 Fedinec C. A karpataljai magyarsag torteneti kronologiajа: 1918–1944. Galánta ; Dunaszerdahely, 2002. O. 374.

10 См.: Вегеш М., Фединець Ч. Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород, 2010. С. 205–207.

11 Чакій С. Къ угрорусскому народу // Земледельческий календарь на годъ 1941. Ужгородъ, 1940. С. 49–51.

12 Каллаи Н. Мадьяры и русины // Земледельческий календарь на годъ 1943. Ужгородъ, 1942. С. 37.

13 См.: Капраль М. Періодика Підкарпатської території 1939–1944 рр. (матеріали до повної бібліографії Федора Потушняка) // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка : матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і вченого. Ужгород, 2010. С. 148.

14 См.: Тарин И. Найпершое и найважнейшое дело // Нова неделя. 1939. 23 юлія (№ 25). С. 3–4.

15 См.: Бачинський А. Наше сны здейснилися // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 3–4.

16 О. Т. Мы хочеме спокойства на Подкарпатах // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 2.

17 Знова святкуеме 15 марта // Нова неделя. 1939. 15 марта (№ 7). С. 2–3.

18 Там же.

19 Сповнилася исторична правда // Нова неделя. 1939. 26 марта (№ 9). С. 1–2.

20 Стойка А. Божій сынъ днесь народился…! // Нова неделя. 1940. 7 января (№ 1). С. 1–2.

21 См.: Bonkáló S. A rutének [Electronic resource] // Sulinet. 2008. URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/ (data of access: 13.02.2014).

22 См.: Ormos M. Egy magyar médiavezér: Kozma Miklós. Budapest, 2000. O. 777.

Поступила в редакцию 08.09.2014.

Олег Геннадьевич Казак – аспирант кафедры южных и западных славян. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры южных и западных славян К. В. Шевченко.

УДК 94:34(430)

О. Б. КЕЛЛЕР

ЛЮБЕКСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО В ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЕ НОВГОРОДА

Посвящена анализу всевозможных аспектов рецепции одного из пяти различных компонентов немецкого права, распространенных в Центральной и Восточной Европе в период Средневековья, а именно городского права Любека в ганзейской конторе Новгорода. Отмечается, что любекское городское право оказало заметное влияние на правовой порядок исторических регионов, расположенных к северу и востоку от Германии.

Ключевые слова: история появления и распространения немецкого права; трансферт; любекское городское право; ганзейская контора Новгорода; сфера действия любекского городского права в Центральной и Восточной Европе.

The article is devoted to the analysis of various aspects of the reception of one of five different types of German law, common in Central and Eastern Europe during the Middle Ages, namely the Town Laws of Lübeck in the Hanseatic office Novgorod. The Town Laws of Lübeck have had a major influence on the legal systems of the historical regions north and east of Germany respectively.

Key words: the history of the origin and spreading of German law; transfer; the Town Laws of Lübeck; the Hanseatic office Novgorod; the Scope of the Town Laws of Lübeck in the Central and Eastern Europe.

Город Любек был основан в 1143 г. графом Адольфом фон Шауэнбургом. В 1158 г. последовало следующее заложение города герцогом Генрихом Львом. С появлением этого города была открыта новая страничка в истории торговли Германии. Любек получает от герцога Генриха Льва вольную конституцию и становится ведущим приморским центром торговли Восточной Германии, а также метрополией для многочисленных новых торговых городов вплоть до города Нарва в Эстонии. Представляет интерес, что